

Ананиев Акакий Хвичаяевич

СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**Аннотация:**

Данная статья посвящена вопросу о субъектах уголовно-процессуальной ответственности. Исследуются существующие позиции ученых-процессуалистов относительно данного понятия и пределов его реализации. Выдвигается положение о морально-нравственном содержании мер уголовно-процессуальной ответственности. Делается вывод о том, что ее субъекты тождественны участникам уголовного судопроизводства.

Ключевые слова:

уголовно-процессуальная ответственность, субъекты, участники уголовного судопроизводства, процессуальное правонарушение, наказание.

Ananiyev Akaky Hvichayevich

SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEDURE LIABILITY**Summary:**

This article considers a question of criminal liability subjects. The existing opinions of scientists researching the criminal procedure liability and its limits are reviewed. The author discusses a proposition about moral content of the criminal procedure responsibility. It is concluded that the subjects of the criminal procedure liability are identical with participants of the criminal legal proceedings.

Keywords:

criminal procedure responsibility, subjects, participants of criminal legal proceedings, procedural offense, punishment.

В науке уголовного процесса все больший интерес приобретает вопрос об уголовно-процессуальной ответственности. Несмотря на немалое количество работ, посвященных данной проблематике, в частности такими авторами, как В.М. Корнуков, З.Ф. Коврига, Я.О. Мотовиловкер, П.С. Элькин, Н.Н. Сафин, А.Я. Дубинский, И.Л. Петрухин, Г.Н. Ветрова и другими, многие вопросы теоретического характера остаются не раскрытыми. Так, достаточно полемичен вопрос о субъектах уголовно-процессуальной ответственности.

Для решения данного вопроса представляется целесообразным раскрыть понятие субъекта в уголовно-процессуальном праве вообще. Уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что субъектом уголовного процесса может быть как должностное лицо, так и граждане, обладающие процессуальной правоспособностью и дееспособностью [1]. В науке уголовного процесса субъекты уголовно-процессуальной деятельности справедливо отождествляются с участниками уголовного судопроизводства и классифицируются в зависимости от выполняемой ими процессуальной функции [2]. Таким образом, субъектами уголовного судопроизводства являются граждане и должностные лица, наделенные процессуальными правами и несущие процессуальные обязанности.

Из этого определения напрашивается вывод о том, что все указанные субъекты несут уголовно-процессуальную ответственность в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими возложенных на них обязанностей. Однако с этим согласны далеко не все процессуалисты.

Разграничение уголовно-процессуальной ответственности на позитивную и негативную такими авторами, как З.Ф. Коврига и Г.Н. Ветрова, позволяет утверждать, что эти авторы распространяют действие уголовно-процессуальной ответственности на всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Если же с точки зрения позитивной уголовно-процессуальной ответственности вопросов не возникает, то пределы действия негативной уголовно-процессуальной ответственности остаются не раскрытыми.

Так, И.Л. Петрухин сводит действие негативной уголовно-процессуальной ответственности лишь к таким мерам, как ответственность поручителей, обращение залога в доход государства, удаление из зала судебного заседания, штрафы, налагаемые на переводчика, а также на лиц, присутствующих в зале суда [3]. В.Г. Капустянский, в свою очередь, считает, что действие уголовно-процессуальной ответственности распространяется на лиц, выполняющих определенные процессуальные функции, имеющие уголовно-процессуальные права и несущие соответствующие процессуальные обязанности, в том числе на должностных лиц и суд [4].

О.А. Зеленина справедливо отмечает, что процессуальная ответственность не может быть бессубъектной и всегда имеет своего адресата – это участник уголовного судопроизводства [5]. Однако пределы применения мер негативной уголовно-процессуальной ответственности также остаются ею не рассмотренными.

Таким образом, в науке уголовного процесса остается открытым вопрос, кого же можно считать субъектом уголовно-процессуальной ответственности, а кого нельзя. В частности, неясно, следует ли считать субъектами уголовно-процессуальной ответственности должностных лиц и суд.

Достаточно категорично здесь выразился Д.А. Липинский. Он считает, что деятельность суда, состава суда, следователя, прокурора, дознавателя и органа дознания не подпадает под действие регулятивной функции уголовно-процессуальной ответственности и регулируется уголовно-процессуальным правом в целом [6]. Эта позиция видится нам довольно непоследовательной по следующим основаниям.

Во-первых, говоря о функциях уголовно-процессуальной ответственности, автор справедливо подразделяет ее регулятивную функцию на две формы своего проявления – статичную и динамичную. Если же статичная регулятивная функция уголовно-процессуальной ответственности «участвует в закреплении прав и обязанностей участников уголовного процесса, оформляет их правовой статус и ответственность», то почему ее нельзя отнести к деятельности суда, состава суда, следователя, прокурора, дознавателя и органа дознания?

Во-вторых, говоря об уголовно-процессуальной ответственности в целом, автор справедливо признает ее единой, но имеющей «две формы реализации – добровольную и государственно-принудительную» (аналогия позитивной и негативной процессуальной ответственности). Здесь возникает вопрос: суд, состав суда, следователь, прокурор, дознаватель и орган дознания, как участники уголовного судопроизводства, добровольно исполняя возложенные на них обязанности, являются при этом субъектами уголовно-процессуальной ответственности или нет? Если же считать, что указанные органы и должностные лица подвергаются действию только позитивной ответственности, то такую ответственность нельзя признать единой.

Проблема определения субъектов уголовно-процессуальной ответственности имеет, на наш взгляд, два основания. Первое: отсутствие законодательного закрепления института процессуальной ответственности в уголовном судопроизводстве. Второе: ошибочное общепризнанное мнение о том, что меры ответственности обязательно должны нести материально выжатый негативный характер.

Проблема законодательного закрепления оснований и мер процессуальной ответственности очевидна. В действующем УПК нормы, касающиеся мер и пределов ответственности, размыты и недоработаны. Так, п. 4 ст. 11 УПК устанавливает, что вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, предусмотренными кодексом [7]. Вред может быть причинен в результате правонарушения, и ответственность правонарушителя здесь не вызывает сомнения. Однако если вред причинен административным правонарушением, то возмещение этого вреда по основаниям и в порядке, предусмотренными УПК, невозможно. Возмещение причиненного вреда будет осуществляться на основании норм КоАП, и, как принято считать, меры ответственности будут исчерпаны мерами административного наказания. Так ли это, попытаемся разобраться.

Как уже было отмечено выше, уголовно-процессуальную ответственность неправильно отождествлять только лишь с наказанием в материальном смысле.

Любое правонарушение является основанием для реализации ответственности. Характер правонарушения определяет тот вид ответственности, который будет применяться к правонарушителю (уголовная ответственность, гражданская, административная). Если совершено уголовно-процессуальное правонарушение, то неизбежно должна наступить и уголовно-процессуальная ответственность. Определение природы уголовно-процессуального правонарушения находится вне рамок исследования, поэтому приведем лишь основные его составляющие. Это, во-первых, виновно совершенное деяние, выразившееся в нарушении норм УПК РФ; во-вторых, деяние, совершенное в рамках уголовного судопроизводства; в-третьих, совершенное деликтоспособным участником уголовного судопроизводства [8].

Исходя из этого, такое правонарушение, как, например, вынесение судом незаконного приговора, является уголовно-процессуальным и влечет наступление мер уголовно-процессуальной ответственности. Принято считать, что отмена такого приговора или решения вышестоящим судом является мерой праввосстановительного характера, а не ответственности, и это действительно так. Однако, отменить такое решение возможно только указав на существующие в нем нарушения или ошибки, тем самым порицая действия судьи. В этом порицании и будет заключаться негативная процессуальная ответственность для этого судьи. Как справедливо отмечает В.В. Бородинов, судья, приговор которого забракован, если еще при этом дело передано на рассмотрение другому судье, не может не испытывать чувства ущемленности собственного достоинства – в этом, утверждает автор, высокая мера его ответственности [9].

Усложним ситуацию. Например, судьей вынесен заведомо неправосудный приговор или решение. Это уголовное преступление. Несомненно, судья будет подвергнут мерам уголовной ответственности. Будут ли в этом случае меры ответственности ограничены мерами, предусмотренными санкцией уголовно-правовой нормы? Вряд ли, потому что неизбежно наступление и дисциплинарной ответственности, а так же уголовно-процессуальной, так как те же самые порицание и осуждение со стороны вышестоящего суда никуда не денутся. Именно эти нравственные категории составляют суть негативной процессуальной ответственности для должностных лиц и суда.

Здесь особую актуальность приобретает позиция А.С. Барабаш: «При совершении процессуального правонарушения на первый план выступает или принудительное исполнение обязанностей, или наказание, и тем самым обесценивается значительный нравственный потенциал, содержащийся в ответственности, правильное применение которой в отдельных случаях исключило бы необходимость в принудительном исполнении обязанности или в уголовно-процессуальном наказании» [10].

Таким образом, мы приходим к выводу, что субъектами уголовно-процессуальной ответственности как в позитивном, так и в негативном ее проявлении, являются участники уголовного судопроизводства, несущие процессуальные обязанности и виновные в их неисполнении или ненадлежащем исполнении.

Ссылки:

1. Руденко Т.Е. Уголовный процесс. М., 2000. С. 18.
2. Рыжаков А.П. Субъекты (участники) уголовного процесса. М., 2013. С. 9–11.
3. Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1984. № 3. С. 61–68.
4. Капустянский В.Г. Об уголовно-процессуальной ответственности // Правоведение. 1982. № 6. С. 101–104.
5. Зеленина О.А. Процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 67–75.
6. Липинский Д.А. Об уголовно-процессуальной ответственности // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (13). С. 261–264.
7. УПК РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ.
8. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в Российском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 1994.
9. Бородин В.В. Обеспечение правосудности вышестоящим судом: моногр. М., 2005. С. 27.
10. Барабаш А.С. Негативная уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1987. № 4. С. 89–93.

References:

1. Rudenko, TE 2000, *Criminal trial*, Moscow, p. 18.
2. Ryzhakov, AP 2013, *Subjects (participants) of the criminal process*, Moscow, pp. 9-11.
3. Petruhin, IL 1984, 'Criminal procedure responsibility', *Jurisprudence*, no. 3, pp. 61-68.
4. Kapustiansky, VG 1982, 'Criminal Procedure responsibility', *Jurisprudence*, no. 6, pp. 101-104.
5. Zelenin, OA 2012, 'Process responsibility in criminal proceedings: the content and implementation', *Journal of Russian law*, no. 5, pp. 67-75.
6. Lipinsky, DA 2010, 'Criminal Procedure responsibility', *Vector science TSU*, no. 3 (13), p. 261-264.
7. *Code of Criminal Procedure of 18.12.2001, № 174-FZ*.
8. Olkov, SG 1994, *Criminal procedural violations in the Russian legal proceedings*, D. Phil. thesis abstract, Tyumen.
9. Borodin, VV 2005, *Providing superior court rightly*, monograph, Moscow, p. 27.
10. Barabash, AS 1987, 'Negative criminal procedural responsibility', *Jurisprudence*, no. 4, pp. 89-93.